

Глава 3. Свадьба поневоле

Юй Шаолина так и подмывало разузнать побольше, но лезть на рожон он не спешил. Как-никак секта Сицзянь взрастила главного героя этой истории. Против золотого сияния чужой сюжетной брони не попрёшь, так что лучше держаться от греха подальше.

Сам он помалкивал, а у прочих и вовсе дыхание перехватило — никто не смел издать ни звука, до смерти боясь прогневать юного баловня судьбы из величайшего ордена в Поднебесной.

Разве что Лу Дибao, изучивший повадки своего старшего брата от и до, не на шутку встревожился, как бы тот сдуру не наделал глупостей. Прикрыв рот ладонью, он заговорщицки придвинулся ближе и зашептал:

— Старший брат, заклинаю, не лезь к ним без крайней нужды. Эти праведники из Сицзянь поголовно практикуют Путь Тунцзы. Лбам уже под тридцать, а женской ласки отродясь не знали. Кровь в жилах так и кипит, того и гляди взорвутся.

Юй Шаолин лишь безмолвно воззрился на шиди, не зная, смеяться ему или плакать. Но самое скверное крылось в другом: несколько юнцов из Сицзянь уже достигли стадии Золотого Ядра. Слух у них был чуткий, так что этот поспешный шёпот долетел до адресатов без малейших искажений. Юноши с грохотом вскочили, со звоном выхватив мечи из ножен. Лу Дибao не соврал — кровь у них и впрямь бурлила нешуточная.

Юй Шаолин вовсе не горел желанием устраивать свару. Связываться с орденом главного героя, за которым стояла вся мощь первого в мире праведного союза — себе дороже. К тому же его собственные силы сейчас оставляли желать лучшего: за душой осталась лишь пара красивых, но бесполезных приёмов для отвода глаз.

Однако разъярённые послушники уже надвигались на них. Понимая, что миром дело не кончится, Юй Шаолин стиснул висевшую на поясе флейту из белой яшмы — ту самую, что таскал исключительно ради солидного вида. Каким бы придурком ни был его шиди, он оставался своим. А своих сдавать не принято.

Ученики Сицзянь, заметив его жест, лишь презрительно фыркнули. Жалкая яшмовая дудочка в их глазах не стоила и ломаного гроша.

Лишь стоявший во главе отряда мальчик — Е Сюань — поднял руку, призывая соратников к порядку. Его голос звучал нарочито сурово, однако на фоне пухлых младенческих щёк эта напускная важность выглядела уморительно.

— Кто вы такие? — требовательно спросил он.

Юй Шаолин невольно улыбнулся, глядя на этого очаровательного кроху, и заговорил куда

мягче:

— Приветствую тебя, почтенный даоист. Перед тобой Юй Шаолин и Лу Дибao, верные ученики главы Павильона Яньюнь.

Мальчуган при упоминании Павильона Яньюнь на секунду опешил. Затем он приподнял тонкие брови, а во взгляде вспыхнула нешуточная ярость:

— Так твой отец — Юй Миньчжи?

Юй Шаолин подтвердил его догадку кивком, совершенно не понимая причин такой резкой перемены. Но не успел он и слова вымолвить, как воздух перед лицом свистнул. Он вскинул голову — паренёк уже мгновенно сократил дистанцию и занёс ладонь для сокрушительного удара.

«Да что с ним не так?!» — пронеслось в голове у Юй Шаолина.

Удар обещал быть сильнейшим. Плюнув на грацию и приличия, он резко пригнулся и на глазах у изумлённой публики мёртвой хваткой вцепился мальчишке в пояс.

Е Сюань никак не ожидал столь бесстыдного приёма. Растерявшись от неожиданности, он не удержал равновесия, и они оба с грохотом покатались по полу. Юй Шаолин, испугавшись, как бы малец не расшиб себе лоб, в последний момент успел подложить ладонь ему под затылок.

В трактире воцарилась мёртвая тишина. Присутствующие остолбенели.

Е Сюань сперва побледнел, а затем вспыхнул пунцовым пожаром. Он с силой лягнул обидчика, отбрасывая его в сторону, и с яростным шипением потянулся к рукояти меча:

— Моя тётушка была права! Вы, бездельники из Павильона Яньюнь, — сплошь похотливые мерзавцы и обманщики! Я лично проучу тебя от её имени!

— Младший брат, успокойся! Не смей обнажать клинок!

— Держите его, держите!

Послушники Сицзянь гурьбой навалились на своего предводителя, уводя его в сторону. Юй Шаолин, получивший ни за что ни про что пинок под дых да ещё и порцию отборных оскорблений, тоже не на шутку разошёлся. Он поднялся с пола, отряхивая одежду, и процедил сквозь зубы:

— А набрасываться на людей без предупреждения — это, стало быть, великая доблесть вашей хвалёной секты? Тоже мне, защитники справедливости!

— Ах ты, паршивец!..

Они стояли друг напротив друга, взъерошенные, словно два бойцовых петуха перед схваткой. К счастью, именно в этот момент двери зала распахнулись, и на пороге показался глава округа Гуйян. Дуэлянтам пришлось неохотно разойтись по углам и замять ссору.

Пожилой градоначальник, едва перешагнув порог и увидев полный зал совершенствующихся, низко поклонился, сложив руки в приветственном жесте:

— Нижайший вам поклон, почтенные мастера, за то, что откликнулись на мой зов и проделали столь долгий путь. Я осмелился потревожить вас из-за беды невиданной. В наших краях одна за другой бесследно исчезают юные девы — чистые, прекрасные, едва достигшие совершеннолетия. Вот уже полмесяца прошло, но ни живых их не найти, ни тел их мёртвых. Отчаявшись, я разослал призыв о помощи во все концы. Умоляю вас, одолейте эту нечисть, верните покой в наш округ!

— Если беда длится уже полмесяца, что же вы раньше молчали? К чему теперь эта спешка? — подал голос Сун Тяньцай.

В отличие от болтливой Лу Дибao, этот ши́ди обычно робел в окружении незнакомцев и осмеливался подавать голос, лишь когда рядом стоял надёжный старший брат.

Заметив недоумение на лице младшего, Юй Шаолин снисходительно усмехнулся и негромко пояснил:

— Всё просто, ши́ди. Видимо, пропавшие прежде бедолаги не имели к нашему градоначальнику никакого отношения. Человек ведь начинает кричать от боли только тогда, когда огонь добирается до его собственного подола.

Стоило Юй Шаолину озвучить эту циничную правду, как старик удручённо вздохнул и подтвердил его слова:

— Увы, молодой мастер прав... На этот раз тварь похитила мою единственную дочь. Боги обделили меня сыновьями, и лишь на склоне лет небо подарило мне эту девочку. Я растил её в неге и заботе, оберегая пуще зеницы ока. Умоляю вас, господа бессмертные, сжальтесь над несчастным стариком! Спасите мою малютку! Коль вернёте её живой, я расшибусь в лепёшку, но отблагодарю вас по-королевски.

Е Сюань удивлённо покосился на Юй Шаолина, поражённый его пронизательностью. Сам он лишь лениво повёл плечом.

По знаку градоначальника слуги внесли в зал два увесистых сундука. Крышки откинули: в первом ровными рядами лежали золотые слитки, от блеска которых резало глаза. Вторым сундук доверху наполняли самоцветы. Прямо поверх них покоились две нефритовые заколки-цветы. Чистый, глубокий оттенок нефрита сразу выдавал в них работу искусного мастера и редчайшую ценность.

— Мне ведомо, что вы, мастера, люди возвышенные, далёкие от мирской суеты, — заискивающе заговорил старик, переводя взгляд с одного сундука на другой. — И подносить вам этот презренный жёлтый металл — всё равно что пятнать вашу чистоту. Но у глупого старика нет иных сокровищ, которые могли бы выразить всю глубину моей признательности. Молю, не сочтите за оскорбление мою скромную плату и помогите в беде!

Старик изливал душу столь слащаво и умело, что на лицах многих совершенствующихся невольно проступила спесь от такой лести. Е Сюань, разумеется, выросший в достатке и роскоши главного ордена праведников, даже бровью не повёл в сторону подношений. Зато представители мелких южных и северных кланов при виде этих сундуков алчно посмотрели на них. И пусть приличия не позволяли им тут же броситься к золоту, они намертво уставились на сокровища.

Юй Шаолин к богатству относился равнодушно, однако при взгляде на заколки вспомнил о матушке, и сердце его немного оттаяло. И всё же, уничтожение нечисти — их прямая обязанность, и требовать за неё горы золота казалось излишним. Пока он раздумывал, один из южных мастеров напустил на себя благообразный вид и велеречиво затянул:

— Успокойтесь, почтенный старец. Обет нашего брата — искоренять зло и защищать слабых. Спасение вашей дочери — наш священный долг, и мы пойдём на всё ради...

— ...даже если ради этих двух сундуков золота придётся пройти сквозь огонь и воду? — с невинной улыбкой перебил его Юй Шаолин.

Краснобай подавился собственной слюной и побагровел от ярости, судорожно хватая ртом воздух.

— Что вы себе позволяете, господа из Павильона Яньюнь?! — взревел кто-то из его сторонников.

— Да так, просто называю вещи своими именами, — Юй Шаолин лениво улыбнулся, ничуть не смутившись. Он неторопливо подошёл к градоначальнику, на ходу небрежно подбрасывая недоеденный сочный мандарин.

— Почтенный старец, наш Павильон Яньюнь славится честностью, — мягко произнёс он, останавливаясь у сундуков. — Богатства твои воистину велики, но нам столько ни к чему.

Он присел на корточки, запустил руку в груду сокровищ и аккуратно выудил те самые две

нефритовые заколки-цветы.

— Две штуки — добрый знак, сулящий счастливое воссоединение. Когда мы вернём твою дочь в целости и сохранности, этой платы нам будет более чем достаточно.

— Ха! — за спиной раздался язвительный смешок. Обернувшись на звук, Юй Шаолин наткнулся на колючий взгляд Е Сюаня.

— Я-то грешным делом подумал, что раз вы изливаете тут речи о великом бескорыстии, то и вовсе откажетесь от платы. Что, неужели у твоего папаши дела совсем плохи и кормить ораву учеников стало не на что?

Юй Шаолин, у которого с этим заносчивым юнцом с первых минут не заладилось, церемониться не стал. Смерив его насмешливым взглядом, он протянул:

— Ну-ну, тут ты в корне неправ, малец.

Е Сюань уже открыл было рот, чтобы выдать очередную колкость, как вдруг перед его глазами смазанной тенью промелькнул силуэт. Чутьё завопило об опасности, но отступить было некуда. Прямо к его лицу стремительно приближалось нечто круглое.

Мальчишка попытался было плотно сжать губы, но Юй Шаолин словно читал его мысли. Ловким щелчком пальцев он отправил снаряд точно в цель.

— Да ты что твори... — Е Сюань запнулся на полуслове, и его зубы невольно сомкнулись на чём-то мягком и сочном. Сладкий сок брызнул во все стороны, щедро окропив физиономию подскочившего на выручку северного послушника.

Несколько сладких капель стекли по подбородку Е Сюаня. Он растерянно слизнул их языком. Рот наполнился ярким, бодрящим кисло-сладким вкусом спелого мандарина.

Этот трюк Юй Шаолин в своё время подсмотрел у отца и теперь применил без зазрения совести. Насмешливый голос старшего брата зазвучал прямо над ухом ошеломлённого мальчишки:

— Искоренять скверну — наш долг, но и о хлебе насущном забывать не стоит. Мы проливаем кровь за этих людей, так что взять малую долю за труды — дело справедливое. Ты, молодой господин Е, за пазухой у судьбы греешься, богатств не считаешь — оттого и воротишь нос. Твоё благородство достойно похвалы. Ну а я, как представитель здешней голытьбы, могу лишь преподнести тебе этот мандарин в знак почтения. Кушай на здоровье.

— Ах ты, наглец!.. — Е Сюань едва не задохнулся от возмущения, но Юй Шаолин лишь хитро сощурился и вкрадчиво, самым невыносимым тоном поинтересовался:

— Ну что, Листочек, сладко?

— Да замолчи ты! — рявкнул мальчишка, багровея пуще прежнего.

Как ни странно, эта шутовская выходка разрядила обстановку. Южные и северные кланы понемногу поумерили спесь и наконец-то уселись за один стол, чтобы обсудить охоту на нечисть. Из путанных объяснений градоначальника удалось выудить лишь две зацепки: тварь питала слабость к юным красавицам и уводила их глубокой ночью.

На этом крупницы полезных сведений заканчивались. Приходила ли тварь каждую ночь или выбирала особое время? И главное — вернётся ли она теперь, когда в округе почти не осталось молодых девиц? Вопросы громоздились один на другой, но ответов не находилось. Юному Е Сюаню быстро наскучило это бесполезное сотрясание воздуха. Поерзав на стуле около часа, он не выдержал и с грохотом стукнул кулаком по столу:

— Да сколько можно переливать из пустого в порожнее?! — вскипел он. — Чего тут думать? Нужно просто взять след демонической ауры, ворваться в их проклятое гнездо и вырезать всех до единого!

Присутствующие переглянулись, но спорить с грозным юнцом никто не решился. Лишь Юй Шаолин, не упуская случая вставить свои пять копеек, ехидно протянул:

— О как! И как же, позволь спросить, наш дорогой Листочек уловит этот след в чистом поле?

— Я тебе в последний раз говорю: не смей звать меня Листочком! — мальчик пошёл пятнами и положил ладонь на эфес. — Обнаружить тварь проще простого. Стоит мне лишь...

— Младший брат, держи себя в руках! Меч обнажать нельзя!

— Помни наказ молодого главы ордена, шиди! Никакого оружия, пока жизни не угрожает смертельная опасность!

Е Сюань едва не взвыл от бессильной ярости. Со злостью швырнув чарку на стол, он процедил:

— И как, по-вашему, мы тогда её выследим?!

— Зачем искать то, что само придёт к нам в руки? — Юй Шаолин неторопливо сделал глоток чая.

В зале наступила тишина. Десятки взглядов скрестились на нём, и кто-то из старейшин вежливо поинтересовался:

— У молодого мастера Юя есть план?

Задумка Юй Шаолина была стара как мир: замаскировать одного из них под девицу, снабдить отслеживающим талисманом и выставить в качестве приманки. Как только тварь утащит «невесту» в своё логово, остальные по сигналу найдут дорогу и перебьют всю нечисть одним махом.

Присутствующие замялись, переводя взгляды друг на друга, пока их взоры дружно не скрестились на Е Сюане и Юй Шаолине — единственных, кто подходил по возрасту и стати. Впрочем, связываться со вспыльчивым наследником великого ордена никто не рискнул, так что в итоге все умоляюще усталились на него.

Юй Шаолин мысленно выругался, поняв, что собственноручно вырыл себе яму. Собравшиеся меж тем затянули слаженные дифирамбы: дескать, истинная красота кроется в самих костях, а не в маске из пудры; тварь наверняка хитра и простую иллюзию раскусит вмиг, так что приманкой должен стать тот, кто хорош собой от природы. Compliments так и сыпались, но отчего-то ему хотелось выть.

Делать нечего — раз уж общество решило, пришлось подчиниться. Спустя час он, облачённый в шёлковые юбки, с аккуратно уложенными волосами и легким румянцем на щеках, превратился в писаную красавицу на выданье.

С наступлением глухой ночи Юй Шаолин прилёг на постель прямо в платье, согревая под одеждой отслеживающий талисман, и приготовился ждать. Время тянулось томительно медленно, и он сам не заметил, как впал в тревожное забытие.

Разбудил его странный озноб. Распахнув глаза, он обнаружил, что комната залита призрачным светом. За окном простиралось безмолвное небо, окрашенное в жутковатый багрово-лиловый оттенок, а ущербная луна казалась мертвенно-бледной. Наваждение было столь явным, что сомневаться не приходилось: тварь явилась.

Он осторожно нащупал припрятанный в широком рукаве талисман, но стоило ему пошевелиться, как комнату наводнил приторно-сладкий, дурмнящий аромат. Дыхание перехватило, разум мгновенно затуманился, и он без сил рухнул обратно на подушки, проваливаясь во тьму.

Очнулся он уже в другом месте. В воздухе плыл всё тот же густой, душный аромат благовоний. Вокруг расстилалось бескрайнее алое море — стены, балдахины, ковры были кричащего, пугающе яркого багрового цвета.

Посреди этого кричащего великолепия белело чистое пятно — укрытая белоснежным шелком фигура с рассыпавшимися по плечам смоляными прядями волос. Лицо незнакомки поражало идеальной, почти нечеловеческой красотой, заставляя поблекнуть всё убранство покоев. Вот только её прекрасные глаза оставались пугающе холодными. В них не было и капли тепла — лишь бескрайнее, леденящее душу равнодушие.

Воздух в комнате буквально дышал демонической скверной, но от самой незнакомки угрозы не исходило — очевидно, её утащили точно так же, как и его. Голова раскалывалась от ядовитого фимиама. Заметив, что красавица не отрываясь смотрит на него, Юй Шаолин попытался приподняться и хрипло спросил:

— Дева, ты цела? Сказать хоть слово можешь?

Незнакомка не проронила ни звука, продолжая сверлить его пустым, немигающим взглядом. От этой ледяной пристальности Юй Шаолину стало не по себе. Превозмогая слабость, он хотел было повторить вопрос, как вдруг тяжёлые створки дверей со скрипом отворились. На пороге показалась тварь.

Выглядела она весьма причудливо и мало походила на обычных клыкастых бесов. На ней красовалось расшитое алое платье невесты, лицо покрывал нелепый разноцветный грим, а возле рта темнела огромная чёрная бородавка. Это была Гуй Мэйпо — демоническая сваха.

Демоница заговорила приторно-сладким, визгливым голоском, в точности копируя манеру базарных свах:

— Ой, батюшки! Гляньте-ка, какие нежные цветочки к нам пожаловали! Сегодня обе эти лапочки сочетаются браком с нашим великим господином и познают радости первой брачной ночи! Какое счастье, какая радость!

От этого визга у Юй Шаолина едва не лопнули барабанные перепонки. Собрав остатки духовных сил, он улучил миг и метнул припасённый талисман прямо в грудь твари, рассчитывая парализовать её и силой вырвать противоядие.

Однако он переоценил свои силы. Демоническая сваха даже не поморщилась: ленивым взмахом руки она перехватила бумажную полоску и разорвала её в клочья. Нагло ухмыляясь, она сделала шаг к ложу и пропела:

— Ишь ты, резвая какая!хлопотно с такими, господину нашему кроткие жёны надобны. Ну-ка, егоза, приляг, вздремни.

Она дунула ему в лицо пригоршней сонной пыли. Мышцы Юй Шаолина мгновенно ослабли, его веки отяжелели, и он беспомощно рухнул во тьму, теряя связь с реальностью.

Ему снился сон. Станный, пугающе осязаемый кошмар.

В этом сне он лежал, опутанный невидимыми путами. Глаза стягивала плотная шёлковая лента, погружая всё вокруг в непроглядный мрак. Руки и ноги бессильно покоились вдоль туловища — сухожилия на запястьях и щиколотках были перерезаны, лишая его малейшей возможности сделать хоть движение. Он превратился в беспомощную живую куклу.

Беззащитность обострила прочие чувства до предела. Во тьме каждый шорох, каждое прикосновение отдавались в разуме оглушительным эхом.

Он отчётливо ощутил чужие пальцы. Они медленно, с издевательской нежностью скользили по его телу, изучая каждый изгиб. Наконец неведомый мучитель плавно развёл полы его халата, и ледяная ладонь легла прямо на грудь, туда, где отчаянно билось сердце.

Этот холод пробирал до костей, просачивался сквозь рёбра в самую душу, словно незванный гость пытался согреться у чужого костра — но пламя сердца оставалось бессильно растопить эту вечную мерзлоту.

Затем к его шее прижалось чужое лицо. В этом жесте сквозила безумная, болезненная привязанность, приправленная бездонным равнодушием.

«Ты у меня в долгу. А значит, вечно будешь со мной», — тихий шёпот зазвучал в сознании, подобно проклятию злого духа, от которого невозможно укрыться.

Юй Шаолин рванулся всем телом и распахнул глаза. Окружающая его обстановка снова изменилась: алые тона исчезли, уступив место полумраку незнакомых покоев, где тонкой струйкой курился сладкий дым. Видимо, этот жуткий морок навевали здешние благовония.

Ощущение пережитого кошмара было настолько отчётливым и осязаемым, что его до сих пор была крупная дрожь.

Невозможность пошевелить онемевшими членами рождала жуткую иллюзию, будто кошмар продолжается наяву. Реальность мешалась с бреднями, заставляя его судорожно хватать ртом воздух и силиться вырваться из липкого оцепенения.

Внезапно чьи-то холодные, дрожащие пальцы робко коснулись его щеки.

— Кто здесь?! — резко выдохнул он.

Прикосновение оборвалось, послышался испуганный вздох. Спустя мгновение тишину нарушил тихий, дрожащий девичий лепет:

— Это... это служанка. Мне велено подготовить госпожу к торжеству, сделать причёску и нанести белила.

— Какая ещё, к чёрту, госпожа?! Глаза разуй, я мужик! — вскипел Юй Шаолин, силясь сбросить сонный паралич.

Служанка от его грозного тона затряслась пуще прежнего:

— Но... но наш господин строго-настрога наказал... Он узрел лик госпожи и пленился её небесной красотой. Сегодня ровно в полночь наступит час, предначертанный звёздами. В это время повелитель введёт молодую супругу в свои покои для первой брачной ночи.

Чего-о?! Эта тварь вознамерилась взять меня в жёны?!

Да чтоб тебя черти в аду драли!

<http://bllate.org/book/18172/1746583>